

Истории наших читателей №3

Герой истории
Протоиерей Михаил Резин,
клирик Ардатовского
благочиния, руководитель
сектора Выксунской епархии
по взаимодействию
с пенитенциарными учреждениями

Историю записала
Корреспондент журнала
Ирина Белашева

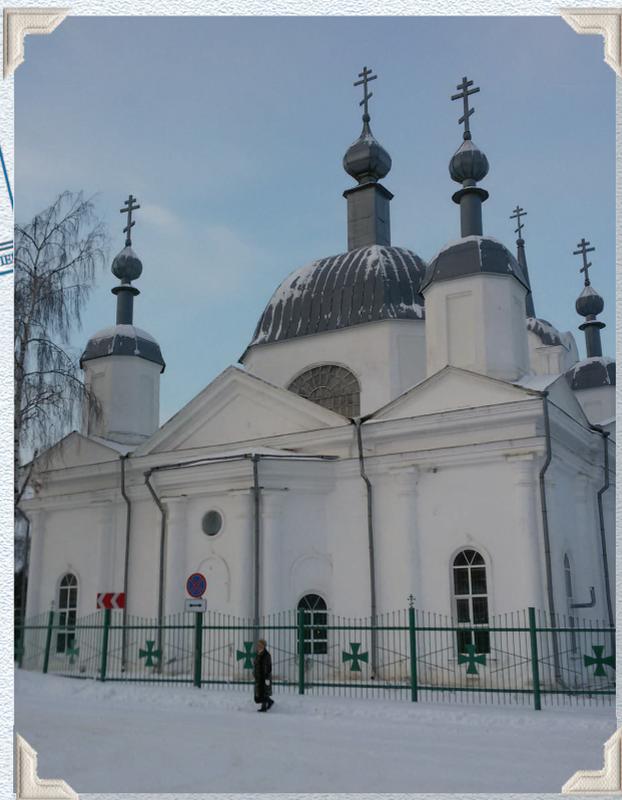
Тюремное служение: от иллюзий к кропотливой работе

Из эмиграции – в Ардатов

История служения отца Михаила начиналась необычно даже для 90-х, когда многое стало возможным (но не всё возможное оказалось подлинным). Не просто благополучный человек, но писатель, литератор, чей творческий путь шел в гору – Литературный институт, первые издания книг, публикация в журнале «Юность», издающимся тогда миллионными тиражами, вступление в Союз писателей СССР.

Волею судеб он оказался в эмиграции в Германии, где можно было навсегда забыть о пустых прилавках и не волноваться за будущее детей.

Однако через два года жизни за границей, в 1992 г., этот благополучный человек с семьей вернулся в Россию и был рукоположен Митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем (Кутеповым) в священники. Отец Михаил просил Владыку направить его в любое место, туда, куда тот сочтет нужным. Он поехал по предписанию, даже не посмотрев предварительно место будущего служения.

Так отец Михаил оказался впервые в Ардатове, древнем дворянском городе с 500-летней историей, лишившимся еще в 1925 г. городского статуса. Сейчас это рабочий поселок с 10-тысячным населением. В начале 90-х рабочие места здесь были всего на двух «предприятиях»: филиале нижегородского завода «Сапфир» и колонии для несовершеннолетних преступников. Везде в 1992 г. задерживали зарплату, в колонии были перебои с финансированием, а тревога за будущее вызывала отчаяние у всех без исключения – и у рабочих, и у персонала колонии, и у заключенных.

Восстановление храма вместе с воспитанниками колонии

Писать литератор Михаил Резин перестал. Вместо этого отец Михаил стал восстанавливать церковь в Ардатове. Потому что тогда, в начале 90-х, настоятелем храма он был назначен, а вот храма не было. В красивом просторном здании собора, построенном в 1802 г., находился заводской цех – здание с плоской крышей. Не было куполов, колокольни. В алтаре стояли станки. Служба тогда шла в приспособленном помещении, и пройдет еще три года, прежде чем здание передадут Церкви, и еще несколько лет, когда ему вернут первоначальный облик. Это был огромный труд отца Михаила и людей, которые ему помогали.

И еще новый священник сразу же отправился в колонию. Когда-то в дореволюционном прошлом там был женский монастырь. И если здание церкви приспособили для станков, то высокие монастырские стены практичным большевикам показались идеальной конструкцией для изоляции преступников. Отец Михаил стал посещать подростков с первых же месяцев своего пребывания в приходе.

«Я был одним из первых священников в нашей Нижегородской епархии, кто стал переступать порог исправительных учреждений, -В те времена священник в колонии был фигурой совершенно иногородной. Если бы клоун зашел за решетку, и то это бы так не удивило! Тема подростковой преступности меня интересовала еще в советское время, когда была «закрытой». И как священника, и как человека, и как писателя. Откуда, с чего все это начинается? Это же не мир флибустьеров или романтика покорения дикого Запада Фенимора Купера. Это мир детей, в котором действуют недетские страшные законы».

Колония в те годы нуждалась не только в молитвах, но и элементарно – в продуктах. Не хватало круп, сахара, чая, медикаментов. «Лекарства мы привозили из Москвы, -вспоминает священник. Сами ходили по аптекам с сумками, и нам жертвовали препараты с истекающим сроком годности. Например, в колонии была повальная чесотка, так мы ведрами передавали туда специальную мазь. Как потом рассказывал начальник колонии, ситуация тогда была очень острая, и удалось избежать голодного бунта благодаря нашей помощи».

Это был первый период тюремного служения отца Михаила общее выживание. Отношения с администрацией у прихода тогда, как он вспоминает, были очень добрые. В администрации колонии по-человечески все понимали и были благодарны за помощь. В ответ отряды подростков по 20-30 человек вместе с контролерами приходили помогать восстанавливать собор, выносили станки, разгребали мусор, возвращали здание собора в первоначальное состояние.

В восстановленном Знаменском соборе их и крестили потом, и подкармливали. И сюда же стали приходиться те ребята, которым некуда было идти. Помощь этим детям с уголовным прошлым казалась простой и понятной: накорми, дай крышу над головой, поддержи и наставь на путь истинный.

В 1997 г. отцом Михаилом была основана Ардатовская общественная правозащитная организация «Сретенье», которая существует до сих пор. Она занимается оказанием психологической, материальной и правовой помощи воспитанникам исправительных колоний, подросткам из группы риска, малообеспеченным семьям и иным социально незащищенным слоям населения.

Не навреди!

В конце 90-х начался период «иллюзий» в тюремном служении отца Михаила. «Это было очень интересное время, вспоминает отец Михаил. Время открытых дверей. В колонию просто валом повалили правозащитные, сектантские, благотворительные организации, причем не только российские. Приезжали и депутаты Госдумы, и разные высокие чины, всем это было тогда ново и интересно. Посмотреть на такой экзотический уголок в нашем мире захотел даже врач из Австралии Алан Джон».

Среди тех, кто часто бывал в Ардатове, был правозащитник Валерий Абрамкин, известный в те годы борец за права заключённых и гуманизацию системы исполнения наказаний. Он нашел в лице отца Михаила единомышленника. Они не знали, что идея, которая у них тогда родилась, станет не проектом социальной помощи, а социальным экспериментом, итоги которого оказались непредвиденными, но очень показательными. Ими двигало искреннее сочувствие взрослых свободных людей к трудным детям за решеткой.

«Как известно, в колонии свои законы, рассказывает отец Михаил. - Там существует мир «авторитетов», и мир «опущенных», самых обиженных. Их всегда можно опознать невооруженным взглядом. Из четырехсот подростков, которые содержались в колонии, примерно сорок были самыми замызганными, голодными, грязными, худыми. И вот мы решили им помочь, хотя бы немного откормить. Но как? Если мы уведем их на время, то их просто забудут, когда они вернутся. И тогда придумали изолировать их по медицинским показаниям. Скажем, что Алан Джон как врач поставил им диагноз «недостаток веса», и тогда у нас будут основания поместить их в санчасть хотя бы на пару недель. Администрация колонии пошла навстречу и согласилась на этот эксперимент. Посмотрели, правда, на нас, как на чудаков, но возражать не стали: ладно, дескать, пусть на свои деньги осуществляют свои причуды. Поселили ребят отдельно. Выделили целый отряд на охрану. Сводили в баню, выдали чистую одежду, каждому определили кровать с постельным бельем. Я посетил их первым, крещеным раздали крестики, поставили иконки. В общем, благолепие, все улыбаются, все довольны. В первые сутки они отсыпались, во вторые - объедались. Третьи сутки они сидели в туалете. А на четвертые в этом коллективе появились «бугры», «шныри», «опущенные». Кроме того, они стали безобразничать, молоко, кефир спускать через форточку и менять на спиртное и сигареты. Они в миниатюре смоделировали колонию. Наверное, если бы мы посоветовались с психологом, он бы сказал, что это ожидаемый результат, потому что социальная подгруппа моделирует себе подобных. Но психологов тогда не было, а мы идеализировали реальность. И замполит решил: «Заканчивайте свой эксперимент».

После этого работа продолжилась в обычном режиме: посещения, помощь, разговоры... Силами прихожан в колонии оборудовали молитвенную комнату. Правозащитная общественная организация «Сретенье» занялась социальной реабилитацией подростков: в колониях Арзамаса и Ардатова на базе ПТУ в 2000-2002 гг. были созданы учебная программа и материально-техническая база для подготовки автослесарей, а также учебно-производственные автомастерские вне колонии.

Практиковалось участие воспитанников колонии, находящихся на льготном режиме содержания, в сельскохозяйственных работах, а также в общих спортивных и культурных мероприятиях, в купании, использовании «русской» бани, в совместной трапезе. Чтобы подростки, которые находятся в заключении, перед освобождением могли привыкнуть к жизни на свободе, к общению со своими сверстниками. Стали традиционными благотворительные акции «Пасха за решеткой» и «Рождество за решеткой». Во время Рождественского и Великого постов прихожане Знаменского храма собирали пожертвования для покупки подарков заключенным.

Велась кропотливая ежедневная работа, где не всегда виден быстрый результат. «Оказывается, мало хотеть помочь человеку, напишет отец Михаил позже в одной из своих статей. Мало иметь такую возможность. Надо, чтобы человек эту помощь мог получить с пользой для себя. Именно с пользой, потому что и помощь в наше безумное время можно обратить во вред себе и во вред дающему».

Центр реабилитации для освобожденных из колонии

Подростки, которые участвовали в реставрации собора, после освобождения уже по привычке стали приходить в храм. И единственное помещение, где им можно было остаться хотя бы на несколько часов, была сторожка. А были и те, кому некуда было возвращаться, у кого не выправлены документы, не готов паспорт. Отцу Михаилу стало понятно, что есть категория освобождающихся подростков, которым нужна начальная социальная или социально-правовая помощь. Необходимо помещение, чтобы они могли передохнуть, переночевать, оглядеться, отдышаться...

Снова помог Валерий Абрамкин и его связи. С его посредничеством удалось выйти на французские благотворительные организации, которые собрали для организации «Сретенье» средства на покупку небольшого дома на несколько человек в Ардатове. Центр реабилитации «Вера. Надежда. Любовь», который там разместился, просуществовал пятнадцать лет, и за эти годы через него прошли больше ста человек. Центр принимал подростков, освобождающихся из воспитательных колоний, у которых не было родственников. Воспитанники учились в средней школе, после

ее окончания могли продолжать обучение в ардатовских ПТУ и аграрном техникуме.

Впрочем, сначала снова не обошлось без иллюзий: «Сначала мы, окрыленные тем, что у нас есть дом, решили, что здесь подростки из колонии задышат воздухом свободы, поймут наши благие намерения, их жизнь станет счастлива, понятна, перспективна. Но повторилось примерно то, что произошло в медчасти, когда мы пытались подкормить обездоленных. Подростки опять смоделировали колонию. И здесь она уже стала неуправляемой, потому что у нас не было рычагов воздействия, которые существуют у сотрудников колонии».

Стало ясно, что в таком реабилитационном центре может остаться только один из бывших заключенных. Остальные обитатели должны быть из других социальных групп, причем, неважно из каких: неблагополучные, сироты, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Они тоже нуждались в помощи, но тюремный опыт у них отсутствовал. В таком коллективе бывшие заключенные были управляемы, обучались, получали права, оканчивали школу, ПТУ, техникум, женились, уходили в армию...

«Конечно же, трудностей было очень много, вспоминает отец Михаил. Случалось, они не хотели работать, по ночам мы отлавливали пьяных, но, во всяком случае, алгоритм был найден. Особенно когда у центра появилось сельское отделение. Ребята после учебы стали туда ездить работать, такая коммуна возникла. Мы засеивали поля, убирали урожай, было стадо коров, свиньи, куры. Тоже не все было гладко и падеж скота был, и воровство кормов с обменом на самогон, но жизнь продолжалась, и хорошего все равно было больше...».

В 2008 г. в связи с либерализацией уголовного законодательства многие воспитательные колонии стали ликвидировать, прекратила свое существование и ардатовская. Особо сложных воспитанников перевели в другие колонии, остальных отпустили под административный надзор.

Центр реабилитации прошлым летом покинул последний воспитанник. Сейчас в этом доме на иждивении прихода проживает многодетная малообеспеченная семья. Дети учатся в школе, посещают храм, священник и прихожане поддерживают их.

Невольник – не богомольник

«С 1992 года посещая колонию и работая с воспитанниками после их освобождения, мы пришли к выводу: надо делать все возможное, чтобы они не оказались там опять, а «трудные» ребята с ардатовских улиц вовсе бы туда не попадали. Негативный опыт въедается в мозг и сердце, проникает в клетки и кровь, живет в подсознании и навязчивых снах. Даже создав семью, молодой человек еще долго будет ощущать тяжесть «напрасно прожитых лет» и сердце его будет стучать в такт марширующим по колонскому плацу ногам...» писал отец Михаил после всех этих лет кропотливой ежедневной работы, в которой были и разочарования, и победы, и много терпения.

«Безусловно, существуют островки, где не утрачено самосознание, где люди под страхом смерти не откажутся от своих убеждений, от своей веры. Возможно, это есть еще в каких-нибудь школах, но, в основном, вокруг церквей и монастырей. Отчаянной попыткой уберечь и сохранить от гибели такой детский островок является организация «витязей» в Нижегородской области при нашем храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Ардатове. Эта организация стала спасательным кругом для воскресной школы, которая медленно, но верно превращалась в группу продленного дня для младших школьников. Старшие отсеивались незаметно, но неуклонно. Их «прилежание» целиком зависело от нажима и жесткого контроля со стороны родителей. Но невольник не богомольник. Всегда наступал день, когда подросток получал право свободного выбора. И этот выбор чаще всего был не в пользу воскресной школы, не в пользу храма».

Организация «Витязи» была основана в среде русской эмиграции Н. Ф. Федоровым в 1934 г. Ее появление диктовалось настоятельной необходимостью первых эмигрантов сохранить веру, русскую культуру, язык в иноязычной среде, в другом культурном пространстве. Система работы с молодежью у «Витязей» оказалась настолько продуманной, что она до сих пор существует во Франции, Бельгии, Германии, Аргентине, Австралии. В Россию «Витязи» вернулись в 90-х годах.

Отец Михаил считает, что те, кто серьезно погружается в схему работы организации, в способы общения, в символику, понимают

это действительно то, что нужно: «Там все очень сбалансированно и религия, и патриотическая работа, и занятия. Дети молятся, причащаются, и все это делается без нажима, очень деликатно. Родители охотно отправляют детей в наши лагеря, потому что сейчас для многих проблема найти организацию или летний лагерь, куда можно было бы безбоязненно отправить ребенка. Здесь известно, что происходит, все испытано, отработано и существует не один год».

Почти двадцатилетний опыт организации «Витязей» в Ардатове оказался настолько удачным, что теперь он востребован по всей Нижегородской области. Дружины «Витязей» действуют в Ардатове, Нижнем Новгороде, Сарове, Фролищах, Починках, Дзержинске.

Статус отца Михаила — духовный руководитель. Он бывает на линейках, проводит беседы, объясняет сложные моменты церковной службы. Несколько раз за лето в палаточном лагере проводится Божественная Литургия под открытым небом, и это становится одним из самых запоминающихся событий лагерной смены.

Социальная работа в женской колонии

Временное служение отца Михаила не закончилось с закрытием ардаатовской колонии для несовершеннолетних. За бывшие монастырские стены привезли других заключенных женщин. Это не подростки, пусть и имеющие огромный негативный опыт, но все-таки еще дети от 14 до 18 лет, которые жизни-то не видели. В колонии появились женщины, в том числе рецидивисты, отбывающие срок по второму, по третьему разу. Женщины от 20 до 75 лет с колоссальным негативным потенциалом: наркотики, убийства, тяжкие телесные повреждения. С изменением статуса колонии и ее населения стал другим состав сотрудников, сама атмосфера. Должности начальника колонии, его заместителей по-прежнему занимают мужчины, воспитатели в отрядах женщины.

Женщин стало много, поэтому неизбежно изменился подход священника к своей пастве, и отношение осужденных тоже изменилось. «Если подростки воспринимали священника, как такого «лоха», у которого можно что-то выпросить: шоколадку, конфету, может быть, сигаретку, или, удастся уговорить принести ацетоновую краску якобы покрасить батарею, то у женщин совершенно другой настрой,

рассказывает отец Михаил. Большинство из них воспринимают священника как «свободные уши». Женщины-заключенные рассказывают священнику о семье, о прошлой жизни, о неудачах, которые их постигли, о тех, кто в этом виноват, кто «навел на них порчу» и сломал им жизнь. Но есть и те, которые искренне приходят к вере. И если у подростков чаще всего посещение храма во время службы было поводом уйти от работ, то у женщин появляется потребность переосмыслить прошлый опыт.

Произошло и много других перемен. Вместо молитвенной комнаты на территории колонии построили церковь в честь Покрова Божьей Матери, где служатся Божественная Литургия. Из общего состава колонии примерно в 400 человек 30-40 заключенных регулярно посещают богослужения, исповедуются, причащаются.

«Многие приходят на беседы со священником в комнату психологической разгрузки, делится отец Михаил. Мы свободно рассказываемся там, кто на полу, кто на диванах. Я задаю тему, или же мы смотрим фильм с духовным смыслом, и мы начинаем обсуждать. Женщины не просто задают общие вопросы, а очень значимые. Меня радует, что женщины начинают выбирать осмысленное отношение к религии, к Богу, своему предназначению. Я говорю, например: «Сейчас пост начинается. Понятно, что вам отдельный стол никто не будет готовить в столовой, а как вы будете его соблюдать? «Я решила бросить материться!», «А я не буду смотреть телевизор!», «А я не буду курить!», «А я буду читать акафисты!». Они уже начинают осознавать, что пост это не просто отказ от определенной пищи, поститься можно и иным способом. Это уже достаточно глубокий духовный прогресс, потому что не все прихожане на воле могут четко и осознанно определить меру поста для себя, отодвинуть от себя что-то вредное, ограничить приятное. Конечно, если мы будем соотносить этот процент с общим населением, то он незначительный. Но прогресс есть. Когда эти женщины выйдут на свободу, их, конечно, ждет очень сильная «ломка», потому что они возвращаются в ту же самую среду, откуда вышли. Но у них теперь есть небольшой навык борьбы с пороками, грехом и с дурными наклонностями и привычками. Я верю, что они смогут противостоять этому с Божьей помощью».

Кроме того, в приходе есть штатный социальный работник, который ежедневно бывает в колонии. Приход платит зарплату этому сотруднику, а также выделяет по 5-10 тысяч рублей в месяц на срочные нужды: кому-то что-то купить перед освобождением, кто-то нуждается в медикаментах, очках и пр. Социальный работник прихода связан с социальной службой колонии, но не является ее сотрудником. Общаясь и с персоналом, и с осужденными, он становится своеобразным мостиком между теми, кто помогает, и кто нуждается в помощи. Через этого сотрудника становится известно, что происходит в колонии, какие у них проблемы.

Средства на тюремное служение выделяются из пожертвований. Много значит тот факт, что люди знают священника, видят его многолетнюю работу, доверяют ему. Когда целевым назначением происходит сбор пожертвований, деньги приносят не только прихожане, люди из других городов присылают переводы. На эти деньги женщинам покупают подарки: не сладости и лимонад, как подросткам, а предметы личной гигиены, мыло, шампунь и др.

Конечно, сотрудничать!

По просьбе православного вестника «Приход» протоиерей Михаил Резин, резюмируя свой рассказ, кратко сформулировал практически важные положения, которые он вынес из 24-летнего опыта тюремного служения:

1. Священник, который идет в колонию, должен, в первую очередь, четко уяснить для себя цель. Будет ли это проповедь, или служение, Божественная Литургия, исповедь, причастие или просто психологическая беседа. Также это может быть праздничная встреча с раздачей подарков, поздравления на Пасху и Рождество. Можно ставить целью выстраивание планомерной социальной работы. Это разная работа, к каждой надо готовиться.

Если священник идет в колонию впервые, он должен быть готов к вопросам администрации: какие у вас задачи, цели, что вы хотите и пр.

2. Приступая к тюремному служению, необходимо психологически настроиться и не ждать никаких провокаций, подвохов. Меня спрашивают: «Не боитесь туда идти, там же преступники, убийцы?»

Нет, конечно! Система надзора строго выверена, существует баланс наказаний и поощрений. За малейшие провинности заключенного могут отправить в штрафной изолятор. На воле сейчас может произойти гораздо больше непредсказуемых событий, чем в колонии.

3. Священник должен быть готов к рутинной работе с документами, к заключению договоров, например, по сотрудничеству епархии и колонии. Без этого сейчас никак! Если раньше были времена, когда можно было зайти за решетку только с улыбкой и благими намерениями, не предъявляя никаких документов, то сейчас все усложнилось.

4. Сегодня в колониях строгая дисциплина, нет уже тех вольностей, когда женщины, подростки спокойно могли пойти поработать на храм. Или коллективно приходиться в храм креститься в сопровождении одних только контролеров. Сегодня, например, проводится очень строгий досмотр посетителей (меня самого очень тщательно проверяют каждый раз, хотя все знают).

5. Правильно выстроить отношения с руководством колонии очень важная задача. Священник не должен ни давить на администрацию, ни что-либо требовать. Предлагать и просить согласия. Примут – хорошо, не примут – ничего страшного. За те 24 года, что я работаю с колонией, сменился то ли четвертый, то ли пятый начальник. И у нас по-прежнему со всеми хорошие отношения, мы друг друга понимаем, я у них ничего не прошу и не требую, и ничего от них не жду.

Конечно, взаимодействие на местах упорядочилось после того, как укрепилось сотрудничество Московской Патриархии и министерства юстиции. Сейчас уже вопрос не стоит сотрудничать или не сотрудничать. Сотрудничать! А как, в каких рамках, в каких формах каждый решает для себя сам.

